

Глава 7

Сокровищницы, накопленные родом Цуй за столетие, вовсе не ограничивались четырьмя хранилищами. Всего их было десять — по числу Небесных Стволов. Согласно уставу и вековым традициям, последние шесть считались общим достоянием клана, доступ к которым имел лишь действующий глава. Сведения об их расположении, как и ключи, передавались из уст в уста только в момент назначения преемника.

Именно из-за этой тайны Второй господин Цуй, при всем своем желании захватить власть, не осмеливался открыто бросить брата в застенки. Вместо этого он плел интриги вместе с Цуй Чжунхао, пытаясь то угрозами, то лестью выведать заветную информацию. Он был твердо уверен: Юаньши успел получить наставления от отца до того, как тот впал в беспамятство.

Появление Цуй Люя мгновенно заставило интригана умолкнуть. Никто в клане не смел открыто попираť авторитет патриарха. В этих глухих, отдаленных краях власть над семейной казной была равносильна власти над жизнью, а воля главы рода зачастую внушала больше трепета, чем указы уездной управы или столичные распоряжения.

Хотя Цуй Люй искренне старался придать лицу добродушное выражение и говорить со своими кроткими невестками мягко, результат оказался далек от ожидаемого. Даже уходя, женщины пребывали в полном смятении. Потрясение, смешанное с настоящим испугом, сквозило в каждом их движении: в натянутых, одеревеневших поклонах, в прерывистом шепоте и дрожи в голосе.

Они настолько не верили своим глазам, что, едва скрывшись из виду, принялись щипать друг друга за руки. Лишь резкая боль убедила их: всё произошедшее — не морок и не плод воображения.

Теперь им больше не придется считать каждый грош. Свёкор ясно дал понять: это их личные средства, сродни приданому. Только они вольны распоряжаться этим богатством, и без их согласия ни мужья, ни дети не получают ни монеты.

Боги!

Милостивые небеса!

Неужели это...

Прижимая к груди реестры, невестки едва ли не бегом бросились прочь из главного двора, словно опасаясь, что старик в любую минуту передумает и велит всё вернуть. Но стоило им пересечь порог, как на сердце отлегло. Влиятельный патриарх не мог взять свои слова назад — его достоинство не позволяло ему прослыть пустословом. И неважно, помутился ли он рассудком или принял не то снадобье, — эти деньги теперь принадлежали им.

Они переглянулись и, не стовариваясь, припустили к своим покоям с такой скоростью, на какую только были способны. Сердца их бешено колотились, но рук, судорожно сжимавших тетради, они не разжали. Лишь оказавшись в безопасности, женщины начали осознавать всю реальность своего нового положения.

Цуй Юань, смущенно откланявшись отцу, взял оставшиеся три реестра и направился к сокровищнице. Первым делом ему предстояло отобрать дары для сестер. Что же до доли младших братьев, то их жены наверняка сами придут к нему, как только придут в себя.

Оставшись один, Цуй Люй вновь зажег лампу и принялся просматривать описи имущества. На данный момент у него было три внука и четыре внучки. Младший сын только недавно обзавелся семьей, и детей у него еще не было. Что же до дочерей, то у старшей подрастали сын и дочь, а у младшей пока была лишь одна малышка.

Кончик пера замер над именем второй дочери, Цуй Юлин. За два года замужества она родила лишь одну девочку, и свекры явно не желали больше ждать. Цуй Люй вспомнил: на третий месяц после того, как он впал в кому, в дом Ван тайно ввели другую женщину. Если память ему не изменят, его зять, прежде казавшийся честным и надежным малым, уже успел обрюхатить девицу — незаконный первенец уже готовился явиться на свет.

Нахмурившись, Цуй Люй обвел кружком фамилию Ван рядом с именем дочери. Ван Инцзинь, наследник лавки зерна и масла в главном городе префектуры. Семья не слишком знатная, а их единственная связь с влиятельными кругами держалась на старой госпоже Ван — та когда-то была кормилицей молодого господина из одного великого клана. Благодаря этой милости они и смогли разбогатеть, открыв свое дело.

К тому времени, как Цуй Люй согласился на этот брак, Великие Клань уже пали под ударами императора Кайю. Ситуация в Цзянчжоу изменилась: все, кто имел хоть какое-то отношение к бывшей аристократии, жили в постоянном страхе. Когда родители Ван Инцзиня искали сыну невесту, почтенные дома закрывали перед ними двери, не желая навлекать на себя подозрения.

Видя, что конкуренты вот-вот окончательно задушат его дело, Ван Инцзинь пришел к Цуй Люю. Он молил о помощи, упоминая старые услуги, и просил отпустить зерно из запасов клана Цуй в долг, чтобы хоть как-то удержать лавку на плаву.

Клан Цуй всегда жил землей, и зерно шло не только на нужды рода, но и на продажу. В свое время один из побочных отпрысков великого рода положил глаз на их земли, желая забрать их даром, и именно Цуй Люй через старую госпожу Ван сумел уладить это дело, заплатив немалые деньги.

Хотя он и был благодарен за посредничество, он сполна оплатил услуги Ван. Тем не менее Цуй Люй не стал уподобляться тем, кто бьет упавшего. Он согласился на поставки, а когда семья Ван окрепла, к ним в дом заслали сваху.

Тогда он рассудил, что брак будет удачным. Ван Инцзинь казался человеком дельным и предприимчивым, а долг благодарности перед тестем должен был стать гарантией того, что Юлин не будут обижать.

Цуй Люй признавал: он был прижимист, но никогда не пытался выгодно продать своих детей ради связей с сильными мира сего. Он искал для них семьи, где они могли бы жить в достатке и спокойствии. Как-никак, это была его плоть и кровь. В родном доме они не купались в роскоши, но и нужды не знали — он не мог допустить, чтобы после замужества их жизнь стала хуже.

Ван Инцзинь был единственным сыном. Цуй Люй не запрещал зятю брать наложниц — он лишь требовал, чтобы положение его дочери и внучки оставалось непоколебимым. Он мог понять нетерпение старой госпожи Ван, мечтавшей о внуке, но одного он не мог простить: Ван Инцзинь в будущем решится предать жену ради призрачной выгоды.

Его младшая дочь, Цуй Юлин, была самой красивой из всех детей. Ее облик не уступал знатным девам из самых богатых домов. В его видениях будущего тот самый аристократ из великого рода, желавший сделать ее наложницей, позже стоял перед ее могилой с выражением глубокого сожаления и горечи. И не успел сам Цуй Люй воздать семье Ван по заслугам, как этот дворянин одним движением руки разорил их, отправив всех в ссылку.

Вспоминая тот тихий вздох, услышанный им издалека, Цуй Люй теперь понимал его смысл: «Я и не знал, что ты уже была чужой женой».

Значит, этот господин видел Юлин еще до того, как ее семья решилась на предательство, и тогда она, должно быть, была одета как незамужняя девушка.

Замужней женщине не пристало носить девичьи наряды. Теперь Цуй Люю предстояло выяснить: виделась ли Юлин с каким-то подозрительным знатным гостем до свадьбы или же после замужества ее обманом заставили вновь нарядиться девушкой?

Цуй Люй выпрямился и уже хотел позвать Цуй Чжи, дежурившего у дверей, но осекся. Он тряхнул головой: «Совсем старый стал». Трагедия с Юлин должна была произойти лишь через два года. Сейчас же всё еще можно было исправить. Его зять пока лишь тайно содержал наложницу, но еще не успел продать жену ради чинов.

Так как же ему отвести беду от дочери?

Заставить ее развестись и вернуться домой?

Но когда Юлин навещала его в последний раз, на ее лице не было печали. Пусть в ее глазах и сквозила горечь, она держалась спокойно. Ван Инцзинь явно умел заговаривать ей зубы, раз она не бросилась к отцу с жалобами, стоило тому очнуться.

Он, как тесть, не мог открыто вмешиваться в личную жизнь зятя, особенно если сама дочь молчит. Если он сделает это без веского повода, его обвинят в желании разрушить чужую семью. Пойдут толки, поползут слухи...

Цуй Люй взглянул на список даров для дочери и решительно добавил к нему сто двадцать му плодородной земли. Доход с этих угодий в точности равнялся годовому обороту зерновой лавки Ван.

Взяв чистый лист, он быстро начертил: «Прекратить поставки зерна в лавку Ван». Когда чернила подсохли, он подозвал Цуй Чжи:

— Отнеси это деду. Скажи, пусть исполнит немедленно.

Отныне, если семья Ван желает продолжать торговлю, им придется использовать урожай с земель Цуй Юлин. В противном случае им останется только сменить ремесло или закрыть лавку.

Юлин была воспитана в строгости и не могла помешать свекрови привести в дом наложницу для мужа. Но он, ее отец, не имея возможности лично отчитать зятя, собственноручно передал дочери власть над делом, которое кормило всю семью Ван. Этот жест — предупреждение и гневный окрик — должен был заставить семейство Ван опомниться.

Если у Ван Инцзиня осталась хоть капля деловой хватки, он немедленно придет просить прощения.

Его дети не были изнеженными господами, не знающими жизни. Дочери умели читать и вести счета, в пору весенней пахоты они не гнушались выходить в поле. Возможно, лавку они и не удержат, но управлять землей — дело привычное, обмануть их здесь не удастся. Пока земля в руках Юлин, у нее будет рычаг давления на мужа и его родителей.

Цуй Люй развернул письмо и подробно изложил причины своего дара. В конце он добавил: «В какие бы обстоятельства ни поставила тебя жизнь, помни: отчий дом — твоя самая надежная опора. Отец всегда рядом!»

Перечитав написанное, он отложил лист в сторону. Это было слишком непривычно для него. Вместо этого он взял другой листок и вывел всего несколько слов: «Если не будешь знать, как поступить — спроси отца!»

Он всегда был суров и не вмешивался в дела детей. Если он вдруг станет слишком нежным, это может их напугать. Да и самому ему этот тон казался странным и нелепым.

Раз уж он наделил землей вторую дочь, нельзя было обделять и старшую, Цуй Сяроун. Цуй Люй выделил ей столько же, но при этом распорядился прекратить выплаты на обучение зятя.

Его зять, Ли Вэнькан, был местным сюцаем — человеком упрямым и, откровенно говоря, не слишком большого ума. В его видениях будущего тот, едва получив степень цзюйжэня, поддался на уговоры соучеников и ввязался в протесты против властей в столице области. В итоге его лишили званий и отправили в кандалах на каторгу.

В этот раз Цуй Люй не позволит глупости этого человека погубить жизнь его старшей дочери и детей. Пусть до конца дней остается простым сюцаем в их уезде. Старик лучше потратит деньги на образование внуков, чем отдаст хоть медный грош на нужды этого недотепы.

Никого из своих десяти детей он не забыл — вписал каждое имя в реестры. Каждый получил имущество стоимостью более десяти тысяч лянов с пометкой: «Дар старшего. Личная собственность, не подлежащая отчуждению или изъятию». Так он надеялся уберечь наследство от загребущих рук старших родственников.

На следующее утро улицы уезда Хуйцой были запружены огромным караваном с подарками. Горожане толпами высыпали из домов, в изумлении разинув рты и глядя на бесконечную вереницу телег.

— Кто? Кого ты назвал? А ну повтори!

— Старший господин Цуй! Цуй-Котелок! Хоть сто раз скажу — это старый Котелок расщедрился!

— Неужто в него вселился дух щедрости? Милостивые боги, ну и дела!

<http://bllate.org/book/16118/1581923>